

«ВЕРУЮЩИЙ ВОЛЬНОДУМЕЦ» НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

18 марта 2019 года исполняется 145 лет со дня рождения Николая Бердяева

НАТАЛЬЯ КОРКОНОСЕНКО

Русское государство давно уже признано великой державой, с которой должны считаться все государства мира и которая играет видную роль в международной политике, – пишет Николай Бердяев в своей работе «Судьба России», с которой можно ознакомиться в электронном читальном зале Президентской библиотеки. – Но духовная культура России – то ядро жизни, по отношению к которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка и орудие, не занимает еще великодержавного положения в мире <...> То, что совершалось в недрах русского духа, перестанет быть провинциальным, отдельным и замкнутым, станет мировым и общечеловеческим».

18 марта 2019 года исполняется 145 лет со дня рождения Николая Александровича Бердяева, одного из самых ярких мыслителей XX века, русского религиозного философа, пришедшего в своих исканиях к христианскому экзистенциализму.

Электронные копии раритетных изданий из фонда Президентской библиотеки позволяют проследить земной путь и биографию идей, которыми Бердяев обогатил современную философию.

*Пароход. Дельта.
Прощание с родиной*

29 сентября 1922 года от набережной Лейтенанта Шмидта в Ленинграде отошел знаменитый «философский пароход» с теми, кто стал

не нужен родной стране. Бердяев, стоя на палубе, отнюдь не впал в холодный ступор, провожая взглядом архитектурные шедевры набережных, разбегающиеся по обеим сторонам по ходу движения их перегруженного транспорта. Ученый с интересом ждал, когда же пароход достигнет той точки обзора в устье Невы, которую философ так любил наблюдать в свои редкие морские вылазки на прогулочных катерах: он в центре большой воды, прямо как на картине «Над вечным покоем» Левитана... Квинтэссенция замысла «умышленного города», которым вынужден был укрепить дельту Невы молодой деятельный царь Петр Алексеевич.

Впрочем, к столице философ еще не успел прирасти душой так, скажем, как к Москве и ее университету, с которым его связали два года преподавания. Разве что в «башню» Вяч. Иванова у кромки Таврического сада спешил, как студент на лекцию любимого профессора. Там собиралась вся интеллектуальная элита Петербурга, не раз проверявшая в язвительной полемике его бойцовские качества. «В.И. Иванов не только поэт, – вспоминал позже эти собрания Николай Бердяев, – но и ученый, мыслитель, мистически настроенный, человек очень широких и разнообразных интересов... Всегда было желание у В. Иванова превратить общение людей в Платоновский симпозиум...»

Посещал Бердяев еще один дом в Петербурге, пышно названный Философским салоном писателя

Д. Мережковского, одного из лидеров российского декаданса, написавшего несколько исторических романов, пропитанных религиозно-мистическим духом. Бердяев попал сюда в том промежуточном состоянии сознания, когда после тюрьмы и последующей ссылки за его марксистские убеждения в нем наметился крен в сторону восприятия христианства. Решающим фактором этого свершавшегося обращения было, по признанию Бердяева, стремление вырваться из партийных догм, порыв к естественной и единственно возможной для него духовной свободе. В этом молодого Бердяева поддержали Зинаида Гippiус и Дмитрий Мережковский, которые стремились сделать салон открытой трибуной для истинного «богоискательства». Но скоро Николаю и тут становится «душно», его больше не привлекают религиозные догматы. Он пишет об этом в исследовании «Духовный кризис интеллигенции» из фонда Президентской библиотеки: «В декадентском мироощущении нет интуиции, нет вхождения вселенской реальности, это мироощущение замкнуто в своей человеческой субъективности. Мистика всегда благодатна, всегда заключает в себе интуитивное знание, в ней Божество имманентно человеческой душе».

Направляемый и терзаемый только собственными «проклятыми вопросами», он становится на путь поиска «нового революционного сознания», религиозно-философского движения той части интел-

лигенции, которая, оказавшись вне церкви, пыталась проложить свои пути к Богу. Бердяев становится одним из организаторов и постоянных авторов философских журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», участвует в выпусках сборника «Вехи».

...Стоя на палубе теплохода, выходящего в открытую Балтику, и прощаясь с тем, что связывало его с Петербургом, он вдруг остро, до боли, осознал, что и своего родного Киева он тоже, скорее всего, никогда не увидит. Не увидит теплого подола Печерска, уютно прислоненного к Киево-Печерской Лавре, – в этой части города, застроенной монастырями и военно-крепостными учреждениями. Впрочем, играть со сверстниками не любил, больше привлекала библиотека отца – киевского уездного предводителя дворянства. В десять лет Николай прочел Достоевского и потом долгое время не брал в руки других книг, переживал и усваивал прочитанное. В том же возрасте играл с воображаемым другом – Андреем Болконским – за невозможностью найти на своей улице столь же благородного товарища, способного поговорить с ним на отвлеченные темы. А потом отрок сел за труды Шопенгауэра, Канта, Гегеля. Любил заходить в книжный магазин Оглоблина на Крещатике: «Почти каждый день я ходит туда смотреть новые книги».

Трудно было поверить, что все это останется за безнадежно железным идеологическим занавесом.

Изгнаннику, однако, было на что опереться в минуту осознаваемого сиротства: незадолго перед отправкой на Запад Николай Александро-

вич имел разговор со священником Алексеем Мечевым и, по его свидетельству, вернулся со свидания потрясенный: «Когда я вошел в комнату о. Алексея, о. Мечев встал мне навстречу, весь в белом, и мне показалось, что все его существо пронизано лучами света. Я сказал ему, как мучительна для меня разлука с родиной. “Вы должны ехать, – ответил мне о. Алексей. – Ваше слово должен услышать Запад”», – пишет Бердяев в большой итоговой работе «Самопознание. Опыт философской автобиографии», подводящей итоги всего сделанного им.

«Человек есть в высочайшей степени историческое существо»

Мысль Бердяева в своем развитии поднялась к вершинам христианского экзистенциализма во многом бла-

годаря работам европейских философов, которые привели его к трудам религиозного мистика, «тевтонского философа» Якоба Беме. «Только вера в живого Бога излечивает от отвлеченной мечтательности,

от идолопоклоннического превращения ограниченных социальных предметов в божество, – читаем мы в цитируемой выше книге «Духовный кризис интеллигенции» из собрания Президентской библиотеки. – Кто почувствовал живого Бога и реальный путь соединения с ним, тот не нуждается уже в выдумывании себе ложных богов, в социальном утопизме, в отвлеченной конструкции совершенства на земле.

Подлинное общественное возрождение должно пойти из глубин религиозной жизни, из религиозной дисциплины воли. Религиозный же сдвиг нашей воли первичен и ни из чего не выводим».

Первоосновой мира Бердяев считает не бытие, а свободу. Из этой свободы Бог и создает человека – свободное существо, личность. Бердяев противопоставляет понятие личности как этической и духовной категории – индивидууму, категории социологической и природной. Вопреки критикуемым философам концепциям рационализма и детерминизма проблема человеческого существования, по Бердяеву, состоит в его освобождении. Эта идея русского ученого легла в основу философии персонализма, которая разрабатывалась, в частности, Эммануэлем Мунье и уругвайским иезуитом Хуаном Луисом Сегундо. Все они признают, что свобода, будучи иррациональной по своей природе, может вести как к добру, так и к злу. Согласно Бердяеву, зло – это свобода, которая оборачивается против самой себя, это порабощение человека фетишами искусства, науки, религии. Они порождают отношения рабства и подчинения.

Монография Бердяева «Смысл истории» (1990), электронную копию которой можно «полистать» на экране компьютера в электронном читальном зале Президентской библиотеки, – достаточно редкое произведение, которое затрагивает предмет философии истории. Размышляя над смыслом истории, Бердяев писал о том, что судьба че-

ловека есть конкретная задача философии и истории, что «человек есть в высшей степени историческое существо» и что «нельзя рассматривать человека вне глубочайшей духовной реальности истории».

Философия истории, по Бердяеву, это наука о духе, приобщающая нас к тайнам духовной жизни. Именно философия истории рассматривает человека во всей конкретной полноте его духовной сущности, в то время как психология, физиология и другие области знания, которые тоже имеют дело с человеком, рассматривают его с отдельных сторон. «Философия истории берет человека в совокупности действия всех мировых сил, т.е. в величайшей полноте, в величайшей конкретности».

«Каждый человек, – пишет Бердяев в своем «Смысле истории», – по своей внутренней природе есть некий великий мир, – микрокосм, в котором отражается и пребывает весь реальный мир, все исторические эпохи; он не представляет собой какой-то отрывок Вселенной, в котором заключен этот маленький кусочек, он являет собой некоторый великий мир. В процессе углубления его сознания раскрываются все великие исторические эпохи, вся история мира, с которой имеет дело историческая наука».

Отсюда, по Бердяеву, свободен духом тот, кто перестал ощущать историю как нечто внешне навязанное, а начал принимать ее как внутреннее событие духовной действительности – как свою собственную свободу. Только такое отношение к истории и дает возможность осознать ее как внутреннюю свободу человека в наложении на его небесную и земную судьбу.

Бердяев настаивает на том, что история – «не только откровение Бога, но и ответное откровение человека Богу».

Однажды философ услышал слова французского писателя Леона Блуа о том, что Бог – это Великий Одинокий. Оттого-то и ждет он ответного откровения человека. «Нам нужен

Творец, но и мы Ему бесконечно нужны». Человек, по Бердяеву, – соработник Бога в их общем сотворчестве. И даже на страдания мира русский философ сумел посмотреть как на нарушение Божественного одиночества.

Но он так видит! Так чувствует – и это для его сознания первично и смыкается с положениями персонализма: «Идея Бога есть величайшая

Николай Бердяев с женой Лидией (слева) и Аделаидой Терцык-Жуковской. 1946 г.

человеческая идея. Идея человека есть величайшая Божья идея. Человек ждет рождения в нем Бога. Бог ждет рождения в нем человека. На этой глубине должен быть поставлен вопрос о творчестве, – пишет Бердяев в «Самопознании». – Необычайно дерзновенна мысль, что Бог нуждается в человеке, в творчестве человека. Но без этого дерзновения откровение Богочеловечества лишается смысла».

*Литератор, полемист,
Нобелевский номинант*

В Париже Бердяеву удалось учредить Религиозно-философскую академию, в которой он прочел множество лекций на самые разнообразные философские, исторические, литературные темы. Он стал также одним из основателей Лиги православной культуры. Кембриджский университет присвоил Бердяеву звание доктора Honoris causa. До него такой чести удостоивались

только два русских – И. С. Тургенев и П. И. Чайковский.

За время эмиграции Бердяев стал самым известным в мире русским философом, автором более 40 книг и 450 статей – за малым исключением почти все они переведены на иностранные языки. Он активно участвовал в движении философской мысли в Европе, поддерживал отношения с такими философами, как Э. Мунье, Г. Марсель, К. Барт и др.

Европа зачитывалась его «Новым средневековьем» (1924), событием стал выход работы «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931) и др. Посмертно было опубликовано широко цитируемое «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949).

В 1942–1948 годах Бердяев был семь раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Поразительный факт применительно к философу, не правда ли? Но когда вчитываешься в его блестящие публицистические пассажи, наслаждаешься аргументацией Бердяева-полемиста, все вопросы отпадают.

В одной из статей упомянутого выше сборника «Духовный кризис интеллигенции» из фонда Президентской библиотеки дан критический разбор статьи Антона Крайнего «Белая стрела», которую Бердяев прочел в газете «Речь».

«Статья эта произвела на меня тяжелое впечатление, – пишет Николай Александрович. – С печалью почувствовал я, что не преодолел еще А. Крайний декадентства, не победил еще в себе декадентского самолюбования и декадентского презрения к миру <...> А. Белый объявляется гением <...> Что же, собственно, случилось, почему такой шум? Случилось то, что А. Белый проникся гражданскими чувствами, о которых раньше ничего не подозревал. Андрей Белый и Антон Крайний открыли для себя Америки давно уже открытые, но для России и для мира они этим ничего не открыли. Вряд ли можно признать таким открытием столь рекламиру-

емые А. Крайним строки А. Белого: “Над страной моей родною встала смерть”. Давно уже все знают и чувствуют, что “встала смерть”. <...> А. Крайний, узнав об этом открытии от А. Белого, требует, чтобы и мы все признали, что только через А. Белого и можно узнать о страданиях нашей родины. Я не почувствовал “ожога” от строк А. Белого и потому попадаю в категорию лиц, которые не знают, что такое “родина”. <...> У Антона Крайнего нет самого главного – христианского отношения к людям и к родине, нет признания человеческого достоинства за огромной серединой человечества, за теми “обывателями”, из которых состоит нация».

На портале Президентской библиотеки можно открыть одну из лучших работ Бердяева – «Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли» (1926), в которой он воссоздает во всех противоречиях запоминающийся портрет своего коллеги-философа: «В почти злободневные, политические статьи свои К. Леонтьев вложил самые интимные свои мысли, предчувствия и прозрения. <...> Хорошо говорит об этом Розанов: “Западники отталкивают его с отвращением, славянофилы страшатся принять его в свои ряды – положение единственное, оригинальное, указывающее уже самую необычностью своею на крупный, самобытный ум; на великую силу, место которой в литературе и истории нашей не определено”».

Место этой силе со свойственной ему острой зрения определяет Бердяев: «Он был одинок, не понят и не признан потому, что он был первым русским эстетом. В его время эстетизм был чужд в России всем направлениям. <...> Он пишет в одном из своих писем, что думает не о страдающем человечестве, а о поэтическом человечестве. <...> Это не могло не показаться чужим и даже отталкивающим широким слоям русской интеллигенции. К. Леонтьев не был гуманистом или был им

исключительно в духе итальянского Возрождения XVI века. Он должен был казаться русскому обществу чужестранцем уже из-за своего острого и воинствующего эстетизма. <...> У него была латинская ясность и четкость мысли, не было никакой расплывчатости и безграничности. В мышлении своем он был физиолог и патолог».

В той же степени «физиологом и патологом» смыслов был и Бердяев. Как видим, от безоговорочного неприятия Антона Крайнего Бердяев демонстрирует безоговорочное понимание этического и эстетического посыла Леонтьева, не раз вызывавшего на себя шквал критики.

В полемической палитре философа имеется еще более сложная, саркастическая краска; не сразу и распознаешь, «за» он или «против» опуса рецензируемого им автора.

В журнале «Русская мысль. Г. 35 1914, кн. 1», электронная копия которого представлена на портале Президентской библиотеки, была опубликована нашумевшая статья Бердяева «Стилизованное православие», посвященная критическому разбору сочинения Павла Флоренского «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах».

«Русская богословская литература не знала еще доныне книги столь утонченно-изысканной, – начинает Бердяев. – Это первое явление эстетизма на почве православия, ставшее возможным лишь после утонченной эстетической культуры конца XIX века и начала XX века».

Далее критик остается верным самому себе в правдивом отображении произведения: «К сожалению, нужно сказать, что у свящ. Флоренского эстетизм не всегда сопровождается хорошим вкусом. Местами безвкусна духовная риторика языка этой книги, это – “зажег я себе не более, как лучиночку или копееч-

ную свечечку желтого воску”, “дрожащее в непривычных руках пламя”, “как благоуханная роса на руно, как небесная манна, выходила здесь благодатная сила богоозаренной души” и т.п. На манеру Флоренского писать легла неизгладимая печать “духовного красноречия”.

Павел Флоренский – блестящий, даровитый, изысканно умный ученый стилизатор православия, – у него нет ни одной мысли, ни одного слова, не прошедшего через стилизацию. Православие его не живое, не непосредственное, а стилизованное, не наивное, а сентиментальное (в шиллеровском смысле). <...> Большой и тонкий ум, глубокая и изысканная ученость – и творческое бессилие. Как много искусственных цветов, не живых цветов рассаживает свящ. Флоренский. Как мучительна эта мертвящая реставрация архаического стиля православия. В его книге так много традиционно-православного недоброжелательства к людям и к миру, но в форме стилизованного, эстетического негодования против еретической жизни и еретической мысли. Живого, горячего негодования в его словах нет. В них чувствуется упадочное, эстетическое равнодушие к злу и к добру».

Как тут не вспомнить Льва Шестова в его оценке своеобразного метода Бердяева: «В противоположность Достоевскому и Ницше

(чтобы говорить лишь о современниках) он на вопросах не любит долго задерживаться и задерживать своих читателей – он всегда торопится к ответам, которые к нему как бы сами собой приходят. <...> Оттого его пи-

сания носят в значительной степени дидактический, назидательный характер, и, нужно сказать, что тут он, точно обретая свою родную стихию, доходит часто до великолепно-го пафоса».

Из фонда Президентской библиотеки

